

Н.М.ДАВЫДОВА

Глава семьи: распределение ролей и способ выживания

Гендерный аспект социологического знания о современном обществе находится в центре академических дискуссий, ведущихся во всем мире. По сути, ни одна социально-экономическая проблема не может быть отражена адекватно вне этого угла зрения. В ряду наиболее важных и интересных аспектов такого рода работ, и особенно исследований социально-экономического положения населения, находится проблематика распределения власти (ответственности) внутри домохозяйств и различного вклада мужчин и женщин в ресурсы семьи, контроль над ними и принятие решений, определяющих в конечном счете выбор эффективной стратегии выживания для всего домохозяйства в целом¹. Популярность этой проблематики (особенно на Западе) обусловлена не столько определенными достижениями феминистского движения, сколько практической задачей социальной политики (в частности, необходимостью совершенствовать существующую систему социальной поддержки семьи).

Проблема главенства в семье (на более обыденном уровне не только содержания семьи, но и "ведения дома") рассматривается учеными с точки зрения как управления, так и власти [1]. Человек, который ответствен за расходование денег, не всегда тот, кто вносит наибольший вклад в семейный бюджет, и более того - не тот же самый, кто принимает решения, на что деньги должны быть потрачены с точки зрения стратегии развития домохозяйства. От эффективности распределения этих функций зачастую зависит уровень жизни семьи в целом. Стратегический контроль в данном случае более связан с властью в семье, в то время как повседневные обязательства по расходованию средств и обеспечению семьи самым необходимым на данный момент - скорее, обязанность. В последнем случае это иногда просто означает дополнительную нагрузку, перекладываемую на плечи женщины, а не ее реальное участие в управлении домохозяйством и контроле за основными его перспективами.

Безусловно, существующие объективные социокультурные различия и традиции накладывают свой отпечаток на распределение ролей и ответственности в семье в зависимости от типа сообщества (будь то государство, этнос или регион). Тем не менее есть и какие-то общие тенденции, хотя в России это требует дополнительных специальных исследований. Попытка взглянуть на данную проблему была предпринята в рамках первого этапа лонгитюдного совместного российско-британского проекта "Бедность и социальная эксклюзия"² в России: региональные, этнонациональ-

¹ В частности, эта проблема серьезно изучалась в Великобритании в 1980-1990-е годы в рамках крупной лонгитюдной программы SCLEI ("Социальные изменения и инициативы экономической жизни").

² Термин "социальная эксклюзия" появился в исследованиях бедности в связи с изучением таких процессов, как маргинализация, лишения и нищета (депривация). По мнению многих европейских ученых, такая терминологическая новация связана с новыми формами социальной стратификации, с замещением предыдущей классовой, вертикальной стратификации людей горизонтальной дифференциацией. В последнем случае речь идет об инсайдерах и аутсайдерах, под которыми подразумеваются социальные субъекты, исключенные из реальных процессов интеграции в жизнь основной части общества. С начала 1990-х годов и политическое сообщество в ЕЭС признает социальную эксклюзию более адекватной, чем бедность, концепцией борьбы с социальной несправедливостью.

Давыдова Надежда Марковна - старший научный сотрудник Российского независимого института социальных и национальных проблем (РНИИС и НИП).

ные и социокультурные аспекты", который осуществляется с марта 1999 года³. Исследование проводилось на микроуровне и основывалось на качественном интервьюировании представителей 104 домохозяйств из трех российских городов - Москвы, Воронежа и Владикавказа. Среди участников опросов 60% составили женщины и 40% - мужчины.

Основная задача проекта - получить более точное представление о сущности бедности применительно к разным региональным, этническим и социокультурным сообществам, а также проанализировать проблему воспроизводства бедности в этих сообществах. Не менее важный аспект - прояснение характера взаимосвязи структуры семьи с уровнем ее материальной обеспеченности. В ходе исследования определялись рискованные социально-демографические позиции с точки зрения попадания в бедность, а также анализировалась роль отдельных членов домохозяйства в принятии решений и выборе стратегий выживания, способных предотвратить (приостановить) нарастающую депривацию семьи в случае ухудшения ее социально-экономического положения.

Решая поставленные задачи, исследовательская группа при формировании выборки стремилась включать в опрос разные типы семей, чтобы получить максимально целостную картину ситуаций в российских домохозяйствах. Под типами семей в данном случае подразумевается структура домохозяйства - его размер, поколенческий срез, семейное положение его членов, наличие в семье детей, а также другие социально-демографические характеристики - многодетность, воспитание детей одним из родителей в неполной семье, наличие в семье представителей социально слабых групп (пенсионеров, инвалидов, безработных и т.д.).

В соответствии с целями исследования мы акцентировали внимание на нуждающихся домохозяйствах, среди которых были возглавляемые и/или управляемые как женщиной ("женские"), так и мужчиной ("мужские"). При этом мы отдаем себе отчет, что затронутая проблема актуальна для семей с любым уровнем достатка, а также учитываем особенности задач и выборки нашего исследования, не позволяющие распространять его результаты до размеров всей генеральной совокупности российских семей. Тем не менее полученные в ходе опросов данные свидетельствуют, что даже на микроуровне прослеживаются определенные тенденции, указывающие на различия опыта бедности и выживания, который мужчиной и женщиной (в зависимости от различных житейских ситуаций и типов семей) переживается по-разному.

Результаты многих исследований последних лет свидетельствуют о том, что груз последствий российских реформ большей тяжестью обрушился на плечи женщин. Это и доминирование женской безработицы, и ограничение доступа женщин к основным институтам интеграции (хорошей работе, качественному образованию, управлению, власти), и увеличение семейной нагрузки, когда ответственность за воспитание подрастающего поколения целиком ложится на женщину в условиях массового снижения жизненного уровня многих российских семей, и т.д. В столь сложных условиях российские женщины проявляют настоящее мужество и пытаются максимально задействовать все свои адаптивные способности, стараясь защитить семью от существенного падения жизненных стандартов.

Социально-демографический тип домохозяйств. В основном обследованные семьи имели в своем составе несовершеннолетних детей (только в каждом четвертом домохозяйстве их не было). Наблюдаемые региональные расхождения оказались незначительными, поскольку доля семей с детьми везде заметно превышала долю семей без детей. В целом по массиву каждая третья семья, имеющая детей, оказалась неполной (детей чаще воспитывала женщина, но в отдельных случаях выборка включала и отцов-одиночек) и практически каждая пятая - многодетной. Помимо пере-

³INTAS-97 № 1439; руководители - Н. Тихонова (РНИС и НП) и Н. Мэннинг (Ноттингемский университет).

численных выше типов в выборку входили также одиночки, супружеские пары без детей, семьи с выросшими детьми и т.п.

Уровень жизни домохозяйств. В рамках исследовательской задачи нами был произведен подсчет индикаторов многомерной депривации (лишений), обнаруженных в том или ином домохозяйстве. При этом глубина испытываемых лишений замерялась на основании того, насколько явно сами респонденты связывали тот или иной признак с реальной бедностью. При этом учитывалась не только материальная, но и социальная сторона депривации. В анализе проблематики бедности мы пытались идти от депривации к доходу (материальному индикатору), а не наоборот, поскольку данными лишь о декларируемом душевом доходе явно мало, чтобы понять, какими ресурсами в действительности обладает семья. Нам было важно вычленивать ту точку в перераспределении ресурсов, ниже которой семья не может себе позволить вести привычный образ жизни и ее депривация лавинообразно нарастает.

Все обследованные домохозяйства в соответствии с выявленным индексом депривации условно могут быть отнесены либо к действительно бедным (свыше 12 индикаторов лишений из 24), либо к малообеспеченным (менее 12). Оговоримся, что и в том, и в другом случае речь, безусловно, идет о нуждающихся семьях, просто глубину их бедности можно трактовать широко или узко. Например, крайняя бедность характеризовалась тем, что ресурсов семьи не хватало на питание, обновление одежды, включая детскую, приходилось экономить на предметах гигиены, лечении, иногда в домохозяйстве отсутствовали элементарные предметы повседневного быта - телевизор, холодильник, самая простая мебель, а из-за нехватки денег даже прием гостей становился, по сути, невозможным. В то же время у малообеспеченных семей не хватало средств на отдых и дополнительное обучение детей, на подарки для членов семьи и родственников, на любимые в семье деликатесы, они также вынуждены были существенно ограничивать свои социальные потребности — отдых, досуг, пользование платными услугами — и отказывать себе в покупке печатной продукции и дорогой бытовой техники.

Главы домохозяйств. Большинство опрошенных нами респондентов (90%) обозначили человека, возглавляющего их семью. В половине случаев респондент сам являлся главой домохозяйства (здесь преобладали женщины), но 20% респондентов считали главой семьи супруга (мужчину) или одного из родителей (независимо от пола). Только каждое десятое домохозяйство затруднялось определить главу семьи, руководствуясь, по всей видимости, критерием равноправия.

В целом следует заметить, что при определении главы семьи люди могут руководствоваться по меньшей мере тремя подходами: *патриархальным*, когда главой считается старший член семьи (как правило, мужчина); *экономическим*, когда главой семьи является ее основной кормилец и/или распорядитель семейного бюджета; *равноправным*, когда семья четко не персонифицирует главу. Социокультурные традиции различных сообществ на практике могут как объединять, так и разводить эти критерии. Так, по нашим данным, во Владикавказе в силу большей значимости патриархальной традиции (как для осетин, так и для русских в Осетии) респонденты реже выступали в качестве глав семей, поскольку опрошенные женщины преимущественно выделяли в качестве главы мужчину (мужа или отца). Иногда глава семьи, выделяемый по этому принципу, на практике не был ни добытчиком, ни распорядителем бюджета, а всего лишь являл собой некий символ.

Достаточно часто респонденты руководствовались экономическим подходом при выделении главы домохозяйства, когда семью с равной долей вероятности могли возглавлять как мужчина, так и женщина. Более того, мужчины в российской семье лишь незначительно доминировали над женщинами: по результатам исследования 54 семьи возглавлялись мужчиной и 41 - женщиной. При этом кормильцами семьи (вносящими основной вклад в семейный бюджет) с равной долей вероятности становились как мужчины, так и женщины. Однако в целом по массиву основным добытчиком глава семьи являлся только в 60% случаев. Что же касается принятия решений

по планированию семейного бюджета, то здесь права (а чаще дополнительные обязанности) в подавляющем большинстве случаев перекладывались на плечи женщин, даже если при этом ее главенство в семье не признавалось. Только треть мужчин - глав семей принимали участие в планировании семейного бюджета и реальном принятии решений о том, на что потратить деньги. Таким образом, мы видим, что глава домохозяйства - это далеко не всегда человек, вносящий основной вклад в семейный бюджет или контролирующий основные семейные расходы, по крайней мере не всегда один и тот же человек.

Мужчина чаще оказывался главой семьи, размер которой превышал средний (4 человека). Большие многопоколенные семьи, как правило, также возглавлялись мужчиной. В то же время более молодые и небольшие семьи значительно чаще управлялись женщиной. Тип семей, где глава - женщина, достаточно разнообразен. Здесь и матери-одиночки, и разведенные, одинокие женщины, и молодые супруги, и супруги-пенсионеры. Интересным в данном случае, пожалуй, является то, что наибольшая вероятность встретить главу семьи - женщину оказывается там, где нет несовершеннолетних детей (за исключением случаев, когда женщина одна вынуждена воспитывать ребенка).

Мужчина-отец (при наличии его в семье с детьми), безусловно, чаще обозначался респондентами как глава домохозяйства. Так было в подавляющем числе случаев (только 6 полных домохозяйств с детьми из 43 в качестве главы выделяли женщину). В то же время в неполных семьях женщина вынуждена была принимать эту роль на себя. Правда, в отдельных случаях некоторые матери-одиночки, стремясь отдать дань патриархальной традиции, символически уступали эту роль мужчине - отцу или брату, при том что ответственность за детей и функция кормильца все равно целиком оставались на ее плечах.

Как уже говорилось, выполнять роль главы домохозяйства (делегированную мужчине домочадцами) и быть основным кормильцем семьи на практике совсем не одно и то же. В каждом пятом домохозяйстве с несовершеннолетними детьми возглавлявший его мужчина не являлся основным кормильцем, уступая эту функцию женщине. Что же касается остальных семей (без детей), то здесь эта тенденция прослеживается еще нагляднее: до половины мужчин - глав домохозяйств не вносят основного вклада в бюджет семьи, поскольку с этим более успешно справляются их жены или взрослые дети.

Каким же образом главы домохозяйств пытались остановить депривацию собственных семей, улучшить ее материальное положение? Иными словами, какие именно стратегии выживания они предпочитали, насколько эффективными эти стратегии оказывались и в какой степени главенство мужчины или женщины в семье воздействовало на уровень семейного благосостояния?

Основными стратегиями выживания нуждающихся семей, по нашим данным, становились приработки, использование приусадебных участков и получение помощи со стороны. Кроме того, почти половина обследованных домохозяйств вынуждена была занимать деньги, чтобы свести концы с концами. При этом домохозяйства, возглавляемые женщиной, чаще ориентировались на дачно-огородную деятельность или получение помощи (причем в отличие от "мужских" семей на помощь не только родственников и друзей, но и государства), в то время как "мужские" семьи чаще стремились подрабатывать. Однако из этого не следует, что приработки - преимущественно мужской способ вывести семью из нужды, поскольку и в данной сфере женская активность мало чем уступала мужской, а иногда и превосходила ее, когда речь шла о необходимости содержать детей.

Женщины - главы семей переставали стремиться к приработкам разного рода (работе по совместительству, самозанятости, торговле выращенным на приусадебных участках) только тогда, когда дети вырастали. Трудно сказать, почему так происходит. Быть может, потому, что женщина, ставшая на ноги детей, просто снижает собственные потребности и впоследствии, когда эта главная задача уже решена, она

уже не стремится получить больше, чем у нее есть, т.е. в своей жизненной позиции она больше ориентирована на семью, чем на себя.

Здесь вслед за крупным английским специалистом в области гендерных исследований Д. Пол хотелось бы разобраться и "открыть черный ящик" [1] в исследованиях стратегий выживания семей, взглянув на их повседневную жизнь с несколько иных позиций. Главным в данном случае представляется то, что ни сами по себе материальные ресурсы (деньги), ни нехватка их не распределяются по отношению ко всем членам семьи одинаково. Более того, именно женщина в семье чаще всего склонна ограничивать собственные потребности, чтобы защитить от большей депривации других членов семьи, прежде всего детей и мужа. Даже когда женщина в семье фактически принимает решения, на что потратить деньги (а такова в действительности ситуация в большинстве домохозяйств), т.е. обладает определенным контролем над бюджетом семьи, это вовсе не означает, что она надежно защищена от собственной депривации.

Дополнительная обязанность женщины следить за тем, чтобы в "доме все было", часто приводит к тому, что женщина легко отказывает в самом необходимом себе самой. По данным английских исследований, мужчина в случае принятия подобных решений больше склонен к защите собственных интересов (не в отношении семьи, а по сравнению с женщиной). Кроме того, когда семья начинает испытывать материальные сложности, женщина предпочитает в большей степени оградить своих детей от последствий нарастающей депривации, в то время как мужчина скорее распределяет депривацию равномерно по всей семье.

По данным нашего исследования, в нуждающихся семьях, возглавляемых и управляемых женщиной, зачастую наблюдается тенденция ее большей добровольной депривированности. Это выражается в том, что она стремится ограничить собственные расходы и/или потребление, чтобы позволить семье (детям в первую очередь) пользоваться чем-то в полной мере или иметь что-то, от чего вынуждена полностью отказаться их мать (очень часто женщина ограничивает себя в одежде, чтобы купить ее детям, полностью отказывается от социальной жизни, чтобы оплатить дополнительные занятия или досуг детей, и т.д.). В бедных семьях, возглавляемых мужчиной (иногда пьющим или деградирующим), эта тенденция прослеживается гораздо реже, т.е. глава домохозяйства - мужчиной в такой ситуации менее склонен ограничивать собственные расходы в пользу взрослых семейных обязательств. Поэтому дети в подобных семьях депривированы абсолютно так же, как и их родители.

К особенностям стратегий выживания "женских" и "мужских" семей в первую очередь следует отнести и то, что женское стремление активно изменить материальную ситуацию в семье зачастую определяется наличием детей и их интересами. Мужчины, управляя домохозяйством, стремились к большей эксплуатации материальных и имущественных ресурсов, которые уже имеет семья, - не только к использованию денег, заработанных другим членом семьи (часто женщиной), но и к получению дохода путем сдачи или распродажи нажитого имущества. Это нередко случалось именно в тех семьях, где дети уже выросли и необходимость такой стратегии определялась стремлением мужчины удовлетворить собственные потребности. Хотя в семьях, возглавляемых женщиной, реже присутствовали какие-либо сбережения, занимали деньги "женские" домохозяйства не чаще, чем "мужские", а накопившиеся долги в основном имелись только в семьях с детьми, т.е. объективно находящихся в трудной ситуации. Домохозяйства, возглавляемые мужчиной, часто увязали в долгах независимо от того, есть в семье дети или нет. Предотвратить эту тенденцию могла, пожалуй, только ситуация, когда глава семьи - мужчина был ее основным кормильцем и помогал организовывать семейный бюджет. На практике же в домохозяйствах, возглавляемых мужчинами, так было далеко не всегда.

Лучше одно важное наше наблюдение: домохозяйствам, возглавляемым женщиной (и особенно матерью-одиночкой, вынужденной быть единственным кормильцем в семье), реже помогали родственники и друзья. В то же время полным семьям с детьми,

где мужчина - глава семьи испытывал временные трудности с работой, а семью кормила женщина, помогали заметно чаще. Недостаток помощи окружающих в сложной житейской ситуации "женские" домохозяйства компенсировали социальной поддержкой, которую при всех ее минусах все-таки оказывало им государство. К такой помощи можно отнести получение денежных и жилищных субсидий, некоторых льгот, пособий, которое характеризовало стратегии выживания именно "женских" домохозяйств.

В заключение хотелось бы сказать, что наиболее успешно справляются с бедностью полные семьи (возможно, с детьми, но не многодетные), где мужчина зарабатывает деньги, а женщина ими распоряжается. Таких семей в нашей выборке было до 40%. Напротив, когда одному и тому же члену семьи приходится совмещать функции кормильца и принимающего решения (в основном это неполные или формально полные семьи с деградирующим или нетрудоспособным мужчиной), домохозяйство рискует гораздо больше. Патриархальный способ управления домохозяйством (когда глава семьи не кормит семью и даже не распоряжается ее бюджетом, а представляет собой некий символ - мужчины, патриарха, основателя рода) совсем не страхует семью от нарастающей депривации. Причем особо отмечу, что последнее имеет мало отношения к осетинской традиции (напомню, что одним из мест проведения нашего исследования был Владикавказ), а справедливо только в русском социокультурном контексте.

В России достаточно распространена ситуация, когда там, где главой семьи, выполняющим основные функции кормильца, является мужчина, решения по планированию семейного бюджета принимаются женщиной (супругой либо матерью). Прослеживается определенная тенденция - ответственная обязанность заботиться о повседневных нуждах семьи и принимать решения чаще перекладывается на женщину, даже если при этом она не признается главой домохозяйства. Однако чем старше такая женщина, тем труднее ей справляться с этой функцией и тем меньше шансов у семьи сохранить привычный уровень жизни. Особенно наглядно это видно на примере Владикавказа, где "ведущей дом" женщине было необязательно самой работать, в то время как в московских и воронежских "женских" домохозяйствах деньги чаще распределялись теми, кто их зарабатывал, т.е. женщины просто больше работали.

В противовес некоторым тенденциям гендерной дискуссии об андерклассе в США [2] (о большей депривированности домохозяйств, возглавляемых женщиной) наше исследование продемонстрировало, что наибольший шанс впасть в нищету есть у семьи, возглавляемой пьющим или деградирующим мужчиной. Из 18 домохозяйств с крайней степенью обнищания (уровень депривации здесь превышал 16 пунктов) 14 возглавлялись мужчиной. Безусловно, эти главы семей едва ли справлялись с функцией кормильца и организатора семейного бюджета или же на них падала слишком большая семейная нагрузка (в случае, если семья была многодетной). Главы семей - женщины лучше страховали семью от попадания в крайнюю нужду, особенно если дети уже выросли, жили отдельно или их не было совсем. Мужчины в таких семьях (особенно пьющие) часто только осложняли ситуацию.

Крайне плохо справлялись мужчины и с бедностью в многодетных домохозяйствах. Женщина - глава большой многопоколенной семьи, возможно, могла бы управлять им заметно лучше (наше исследование обнаруживает такую тенденцию) правда, только в том случае, если при этом она не обременена необходимостью полностью содержать мужа и многочисленных детей (подобные случаи отмечались в нашем исследовании и чаще всего означали практическую нищету для такой семьи). Справедливости ради следует сказать, что женщины все-таки крайне редко избирались главой многодетных семей (из 17 подобных семей только в 3 случаях домохозяйство считало главой семьи женщину). Определенным фактором риска попадания в бедность для женщины также является необходимость воспитывать семью и содержать детей в одиночку - свыше половины семей с высокой степенью депривированности оказались неполными.

Замечу также, что гендерные особенности депривации с трудом прослеживаются во Владикавказе. Думается, это связано с несколько иным перераспределением социокультурных ролей в семье. Так, у владикавказского домохозяйства, кормильцем которого является женщина, есть все шансы впасть в глубокую нужду. В Москве же, напротив, женщина более эффективно как возглавляет, так и кормит домохозяйство.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Vogler C., Pahl J.* Money, Power and Inequality within Marriage // *Sociological Review*. 1994. Vol. 42. № 2.

2. *Abrahamson P.* Postmodern Governing of Social Exclusion: Social Integration or Risk Management // *Sociologisk Rapportserie*. 1998. № 13.

© Н. Давыдова, 2000